

Дмитрий Громов

Нормирование поведения в подростково-молодежных уличных сообществах (на материале советских городов, 1970–1980-е гг.)

Обычное право представляет собой «систему норм, правил, поведения, основанную не на официально принятых юридических законах, а на обычаях, выработанных в течение длительного периода времени в данной стране или общественной среде» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 2007: 356]. Исследователями уделялось большое внимание изучению обычного права в различных культурно-исторических ситуациях [Валеев 1974; Разумович 1988; Лузин 1999; Малова 2001]. Однако при этом не вполне осознается, что и в условиях современного города правовые обычаи не исчезают. Они существуют, в частности, в малых социальных группах.

В данной статье мы рассмотрим, согласно каким нормам обычного права происходит нормирование и регулирование поведения в уличных подростково-молодежных сообществах. Правовые нормы и обычаи здесь обусловлены прежде всего системой ценностей, принятой в уличной среде, являются ее отражением. Система ценностей ока-

Дмитрий Вячеславович Громов
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва
gromovdv@mail.ru

зывает детерминирующее влияние на нормативные правила поведения в уличных сообществах, на своеобразный «моральный кодекс» их членов.

Мы ограничимся материалами, относящимися к советскому времени, а именно — к 1970–1980-м гг. Несмотря на социальные катаклизмы 1990-х, данная система нормирования поведения в общих чертах дожила до настоящего времени. Сравним наши «советские» данные с современными материалами (в частности, с результатами исследования С.А. Стивенсон, проведенного в 2006 г. в одной из московских школ закрытого типа), мы обнаружили явное сходство. Как это свойственно нормам обычного права, нормы поведения в уличной среде проявляют устойчивость во времени.

Под *подростково-молодежными уличными сообществами (группировками)* мы понимаем социально-возрастной слой, объединяющий уличные компании, образованные по месту жительства, учебы, тренировок (подробнее см.: [Громов 2009]). В эти компании входят подростки и юноши в возрасте 14–18 лет. Нижняя возрастная граница неопределенна, поскольку в советские времена, когда дети много времени проводили во дворе, переход в рассматриваемый нами слой обычно был незаметен и ограничен. Верхняя возрастная граница, как правило, была четко связана с уходом в армию (процент «косящих» от армии в советские времена был невелик); после армии уличной жизнью уже не увлекались.

Рассматриваемым нами сообществам посвящена достаточно обширная литература. Еще с первой половины XX в. данная тематика активно разрабатывалась на Западе [Thrasher 1927; Suttles 1968; Jankowski 1991]. В Советском Союзе тема уличных группировок входила в разряд «неудобных», но в 1990–2000-е гг. процесс сдвинулся с мертвой точки, и на настоящий момент библиография отечественных исследований насчитывает более 60-ти наименований (см.: [Громов 2009]). Появление интереса к данной теме было обусловлено возникновением на территории Советского Союза агрессивных подростково-молодежных группировок. Первые исследования были посвящены так называемому «казанскому феномену» (А.Р. Тузиков, А.Л. Салагаев, Р.Р. Максудов, Л.В. Агеева, Л.М. Булатов, А.В. Шеслер; позже — А.В. Шашкин, С.А. Стивенсон) и движению «люберов» (С.А. Белановский, В.С. Овчинский; позже — Д.В. Громов). Впоследствии интерес к теме усиливался, поле исследования расширялось. Внимание уделялось рассмотрению уличных сообществ в общем контексте молодежной жизни (Е.Л. Омельченко, Х. Пилкингтон), их вариативности (М.Л. Лурье, В.В. Головин), а также описанию молодеж-

ной уличной среды в конкретных городах. Так, изучались молодежные уличные сообщества в Улан-Удэ (Н. Халудорова, А. Бадмаев, К. Митупов, Н.И. Карбаинов), Тихвине (Е.В. Кулешов), Кирове (С.Н. Амосова, С.В. Березин), Тбилиси (Е.Ю. Захарова), Муроме (М.В. Ахметова). Рассматривались и некоторые идеоцентрические субкультуры, по принципам построения близкие к рассматриваемому социальному слою, например футбольные фанаты (А. Илле) и скинхеды-наци (А.Н. Тарасов, В.А. Лихачев, С.В. Беликов, И.В. Костерина).

Однако надо отметить, во-первых, что в большинстве данных работ тема уличного нормирования поведения не затрагивалась или затрагивалась косвенно, во-вторых (ввиду того, что исследователи отдавали предпочтение актуальному материалу) уличная среда 1980-х гг. не получила достаточного освещения (за исключением указанных выше специфических группировок Казани и Люберец).

Статья написана на материале 26-ти интервью, посвященных повседневности подростково-молодежных уличных группировок 1970–1980-х гг. Большая часть из них (пилотное исследование) сделана в вольной форме, на их основе разработан опросник, использовавшийся в ходе дальнейшего исследования. Около половины интервью относятся к Москве и Подмосковию, остальные описывают события, происходившие в десяти других городах Советского Союза. Исследование не ограничивалось 1970–1980-ми гг.; материалы, относящиеся к событиям 1950–1960-х и 1990–2000-х гг. (около 17 интервью), позволили проверить информацию об исследуемом периоде, выявляя константы существования уличной молодежи.

Анализируя повседневность уличных компаний разных городов Советского Союза, мы обнаружили, что декларируемые правила поведения в этих компаниях в общих чертах совпадают. Можно говорить о некотором едином комплексе, наборе правил, который повторяется с достаточно большой точностью. В среде своих в 1970–2000-х гг. этот «кодекс» именовался *правилами, обязанностями, законом, понятиями*. Нам не известно ни одного случая, чтобы правила записывались, обычно они передавались от более к менее опытным:

Были правила. Их очень быстро осваивали. Когда делал что-то не так, тебе объясняли, что не так. Без злости, не наказывали — просто объясняли. Говорили: «Пацану так делать западно» [В.В., первая половина 1980-х гг., Москва].

Усвоение традиций происходило постепенно, «это же не прописная наука» [Д.Д., конец 1980-х гг., Ижевск]. Обычно это усвоение происходило спонтанно, но были и случаи, когда

коллективное обучение (умению вести себя, одеваться и т.д.) организовывалось специально (например, в криминализованных группировках Казани).

Уличные сообщества во многом различны, можно выделить два крайних, полярных состояния (типа).

1. Аморфные, не предполагающие обязательного участия. Не склонны к агрессивности, терпимы к посторонним, законопослушны. Предполагается равноправие полов.

2. Организованные, предполагающие обязательность участия всех молодых людей, проживающих на контролируемой территории. Агрессивны, склонны к криминальной деятельности. Предполагается неравноправие полов (настроены сексистски).

Можно выделить некоторые корреляционные зависимости отдельных норм поведения от типа группы. Так, группам второго типа свойственна дисциплинированность, большее значение получают обязательность участия в драках, запрет на контакты с милицией, подчинение статусной иерархии. Группы первого типа, не склонные к криминальности, с большей степенью вероятности уделяют внимание ограничениям на агрессивность. Но подчеркнем, что зависимость эта не жесткая. Так, одна из известных нам групп (конец 1980-х гг., Кировское Донецкой обл.), судя по рассказу информанта, не уделяла большого внимания выработке строгих правил поведения, но при этом именно здесь отмечен самый жесткий из известных нам случаев бойкота за соглашательство с милицией.

Знакомство с материалом наводит на предположение, что каждым конкретным участником сообщества система правил поведения понимается индивидуально. Например, молодой человек, не любящий драться, может считать, что участие в общих драках необязательно. Имея высокий статус в кругу своих сверстников, он без проблем этих драк избегает. Не исключено, что другой участник той же группы расценил бы участие в драках как обязательное, а еще кто-нибудь, будучи не защищен высоким индивидуальным статусом, получил бы нагоняй за отсутствие на драках. Но пока это только предположение, поскольку проверить его затруднительно (к сожалению, интервью у двух или более членов одного и того же сообщества — редкая удача).

Правила поведения в уличной среде

Можно выделить следующие принципы, обуславливающие нормы поведения в уличных подростково-молодежных компаниях.

1. Следование образцам гегемонной маскулинности

Безусловной доминантой поведения уличной молодежи являлись требования *построения мужской идентичности*. Идеализированный образ «настоящего мужчины», готового постоять за себя, своих друзей, свою территорию, возникает практически во всех интервью. Конструирование такой маскулинности предполагает особую самопрезентацию и телесную стилизацию, в которой воплощается образ мужчины [Goffman 1979; Garfinkel 1990; Butler 1990]. Вслед за Коннеллом [Connell 1987] мы можем назвать такую маскулинность гегемонной.

Конструирование гегемонной маскулинности требует демонстрации храбрости, азарта, надежности, самоконтроля, чувства собственного достоинства. Все эти качества указывают прежде всего на силу характера [Goffman 1967: 209]. Перечень «мужских» качеств, нормативных для уличных сообществ, можно продолжить. В частности, многие отмечают как обязательное качество верность слову, что иллюстрируется широко распространенной формулой «пацан сказал — пацан сделал». Настоящий «пацан» всегда достигает своих целей.

Непременный атрибут уважающего себя уличного подростка или молодого человека — умение драться. Он должен быть всегда готов к схватке. Нельзя бояться драки: это ставит тебя в невыгодное положение на улице. Нельзя не ответить на вызов, как личный, так и групповой. Уклонение от вызова считалось трусостью и прищало.

Часть предписаний уличной среды была связана с *презентацией тела, одеждой и манерой поведения*. Акцент здесь делался на чистоте, сдержанности, особой щепетильности. Вот одно из характерных высказываний:

Например, пацану было запахло курить чинарики. Если ты набрал на земле окурков и курил их, не дай Бог кто-то узнает, будет позор. Вообще, запахло было за кем-то докуривать, доедать, допивать, донашивать чужую одежду. У пацана должно быть всё свое. Если и донашивать за кем-то, то только за близким родственником — братом или отцом [В.В., первая половина 1980-х гг., Москва].

Подавляющее большинство наших информантов на вопрос, свойственно ли участникам группировок определенное шегольство, ответили утвердительно, а один добавил: «Только этим и занимались» [Д.Д., вторая половина 1980-х гг., Ижевск].

Показателен пример использования в «пацанском» дресс-коде заведомо непрактичных аксессуаров, продиктованных исклю-

чительно щегольством. Так, в компаниях самарских «фураг» (1970 — начало 1980-х гг.) носили белые шарфы. Одна из наших информанток [С.Д., начало 1990-х гг., Ижевск] рассказывала, что, когда она сделала замечание своему знакомому (он не входил в группировки, однако вырос в дворовой среде рабочего района), который ходил в темных брюках и ботинках, но белых носках, тот с обидой ответил: «Они белые — значит, видно, что я аккуратен, слежу за собой».

Условия дефицита товаров придавали стремлению приодеться определенную специфику: обладатель ценной вещи часто вынужден был ее защищать и сторожить, зато молодые люди, не имевшие доступа к дефициту и денег, имели возможность подчеркнуть маскулинную доблесть, добыв «трофейную» куртку или шапку.

Подростки и молодые люди, не проявлявшие стремления к конструированию привычных образцов маскулинности, вызывали на улице непонимание и даже агрессию. Это стало одной из причин появления в середине и второй половине 1980-х гг. в Москве и Подмоскovie агрессивных субкультур «люберов» [Громов 2006] и «коммунаров» [Белановский 2009]. Стремясь к конструированию традиционной маскулинности, представители этих сообществ преследовали «неформалов», мотивируя это тем, что они ведут себя недостойно, «не по-мужски» (экстравагантны, неопрятны, не занимаются спортом, не хотят служить в армии).

II. Корректное поведение в рамках противопоставления «свои — чужие»

Одной из главных обязанностей участника уличных компаний является охрана *территории* (своего двора, спортплощадки, парка, микрорайона) и недопущение на нее групп чужаков. Пожалуй, в каждом городе можно встретить районы, в которые молодые люди «не ходили», поскольку населявшая район молодежь строго пресекала появление чужаков.

Правовые обычаи в рассматриваемой среде во многом мотивированы привязанностью к территории, что обуславливает большое внимание к *противопоставлению «своих» и «чужих»*.

Нельзя было приводить чужих в свою компанию. В одной группе — пришел чужой — к нему как бы холодно отнеслись, но человек второй раз пришел. Ну и, короче, ему дали понять, чтобы он вообще не приходил. И как бы отстаивали свое право, чтобы чужих не приводить. Или приводить, но с проверенными данными, так скажем [М.П., конец 1980-х гг., Кировское Донецкой обл.]

Могла вызывать неодобрение даже солидарность с «чужими» в отвлеченных вопросах:

Как-то я вышел во двор и увидел, что пришли двое пацанов со стороны, которые разговаривают с нашим пацаном. Я подошел, послушал, о чем идет речь, и что-то сказал в поддержку их точки зрения. Когда они ушли, я почувствовал, что все наши на меня обозлены. Сразу я и не понял, а потом догадался — это из-за того, что я в разговоре поддержал человека со стороны [В.М., начало 1980-х гг., Чебоксары].

Мир «чужих» был дифференцированным. Конкретная компания могла дружить с рядом соседских компаний, но находиться в состоянии конфликта с другими компаниями, что создавало в городском ландшафте определенную коммуникационную сеть. Отношение к подросткам и молодым людям, не включенным в уличную среду, могло быть разным — от дружелюбного до агрессивного. Это зависело от личных качеств «не улично-го» юноши, от уровня агрессивности, считавшегося в группе нормативным, и т.д.

В уличных компаниях считается важным поддерживать уличное братство; обязательно нужно **выступить на защиту своих**, помогать, если кто-то из товарищей подвергся нападению.

Твоя команда за тебя должна заступиться, должна. Не дай Бог, кто-то тебя обидел, если вдруг что-то случилось — ты придешь: «Блин, ребята, меня тут вчера вот такие-такие-то! Давайте поедем, с ними разберемся» [И.Э, первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Один из информантов-москвичей, чья юность пришлась на середину 1980-х, рассказывал, что однажды они подверглись нападению некой группы и после, вернувшись на место происшествия большой компанией, сумели поймать представителя нападавших. Не подвергая его значительной экзекуции, пострадавшие решили честно подраться с его товарищами и отправились на место жительства «пленного», где вскоре собралась толпа местных и произошла драка. На вопрос: «А если бы они не вышли к вам?» — информант объяснил, что такое было маловероятно, поскольку те не могли не помочь своему товарищу, который «попал в плен».

Отношения взаимопомощи могут распространяться на «союзнические» компании: к ним можно было обратиться за помощью, «платой» за которую было дружеское «угощение» и дальнейшее укрепление товарищеской взаимопомощи. Кроме того, включенный в уличную жизнь оказывался связан сетью обязательств самого разного типа. В частности, он обязан был участвовать в драках за целый ряд групп. Так, наш информант-тата-

рин из Астрахани (1970-е гг.) говорил, что он считал себя обязанным драться за группы, составленные по пяти разным принципам: за свою улицу (по месту проживания), школу, спортивную секцию, район, в котором проживала его девушка, а также по национальному принципу.

Традиция взаимопомощи может воспроизводиться на протяжении не одного поколения. Так, в следующем случае за соблюдением правил поведения в молодежной среде следит отец:

У нас был случай: на двух ребят напали, и один из них стал драться, а другой прыгнул в проходивший мимо автобус и уехал. Испугался, то есть, и сбежал. Так вот, отец того, который сбежал, специально сам ходил извиняться за сына. Боялся, что того будут в районе презирать [К.С., первая половина 1980-х гг., Воронеж].

Мы наблюдали эпизод, когда мужчина, встретив в автобусе мальчика-подростка, распознал в нем сына своего давнего друга, после чего познакомил с ним своего сына и строго объяснил: «Мы друг другу всегда помогали, и вы, если что, теперь обязаны помогать». Таким образом мужчина попытался воспроизвести в следующем поколении традицию пацанской взаимовыручки.

Уличные сообщества противостояли как миру «чужих», так и миру взрослых, учителям, комсомольскому руководству. Наиболее выражено это противостояние проявлялось в отношении к милиции. На улице категорически не приветствовались **сотрудничество с милицией** и сдача своих товарищей органам правопорядка. В качестве иллюстрации приведем пример, как милиция могла дискредитировать уличных авторитетов, манипулируя правилом запрета на сотрудничество:

Есть много методов дискредитации лидера. Милиционер подходил к нему, когда лидера окружали бойцы, спрашивал, как дела, хлопал по плечу и шептал что-то на ухо, словно секретничал. Бойцы начинали беспокоиться: что за дружеские отношения? Если мы располагали информацией о месте сбора групп, то сообщали об этом одному из бойцов, ссылаясь на «водилу». В результате подростки решали, что лидер работает на милицию, в группе происходил раскол [Анкудо 2007].

Качеством, положительно характеризовавшим участника уличной компании, являлось и то, что он «угощает пацанов» — иначе говоря, проявляет щедрость по отношению к «своим», организуя совместные «застольные» практики.

В настоящее время правила поведения, связанные с разделением на «своих» и «чужих», трансформировались, так же как

трансформировались сами группировки. С уменьшением количества территориальных и увеличением количества идеоцентрических компаний меньшее значение стало иметь место проживания «чужих» и большее — соответствие их идеологическим критериям группы.

III. Корректное поведение в системе уличных статусов

Во многих компаниях не было заметного иерархического разделения (особенно это относится к одновозрастным неагрессивным компаниям). Однако существовали и группировки с внутренней иерархией; в этих группах становилось заметным нормирование поведения с учетом *системы уличных статусов*.

В то время была очень серьезная иерархия. Старшак мог «приколоть» всю шпану на деньги, и к определенному часу деньги собирались. И никакой романтики. Помню, как мы первовским чанкам помогли бабки собрать, и они нас тоже выручали. Между старшаками, средниками и младшаками существовала такая же финансовая повинность. Хорошо помню, как стал чанковским младшаком. Конечно, водка и та неопишуемая радость [А.Н., конец 1970-х гг., Улан-Удэ].

Особое положение в группе занимал *лидер* или группа лидеров (старшие, старшаки, супера, водилы, основные, шерифы, паровозы и др.).

Паровоз — один. В каждой группировке самый сильный, не обязательно самый старший, но самый мудрый. У нас был паровоз Муха. Муха, но он был самый такой толстый, здоровый товарищ, по фамилии Мухамедшин. Я с ним никогда не общался. Просто смотрел, Муха идет, ну и пусть себе идет. И вокруг него всегда крутился такой круг прихлебателей средней руки [Д.Д., конец 1980-х гг., Ижевск].

Многие статусы, бытовавшие в группе, проявлялись в момент конфликта. Так, при внутригрупповом конфликте лидер имел право последнего голоса: «Как он скажет, так и будет» [В.М., 1980-е гг., Москва]. Судейские функции лидера проявлялись и при межгрупповых конфликтах: во многих случаях именно переговоры лидеров приводили к предотвращению конфликтов и достижению взаимовыгодного решения.

У каждой группировки был свой паровоз, своя иерархия, они между собой уже договаривались [Д.Д., конец 1980-х гг., Ижевск].

В урегулировании межгрупповых конфликтов мог принимать участие не лидер, а человек, которого мы условно назовем *дипломатом*. Он умел находить со всеми общий язык, улаживать конфликты, пользовался уважением у членов группы и мог

даже не участвовать в повседневной уличной жизни, но привлекаться только в особых случаях:

У меня старший сын — хороший такой парень вырос. Когда уличным ребятам надо было какие-то конфликтные вопросы решать, например с ребятами из соседнего района, они его всегда приглашали. В переговорах он стал участвовать с четырнадцати лет, когда был значительно младше собственно переговорщиков. Он как-то умел со всеми ладить и договариваться. При этом он был абсолютно неагрессивен, не хотел и не умел драться. И его очень уважали, хотя он во дворе-то особо и не бывал. Но когда ходил на сольфеджио, это тоже вызывало уважение, и его даже провожали до музыкальной школы. Всех в округе знал [В.З., вторая половина 1980-х гг., Москва].

Помимо дипломата, способного гасить конфликты, мог существовать и **задира**, который эти конфликты разжигал:

Я помню — невысокий был... забыл, как зовут его... такой невысокий, худой — но задира-а... как шавка. Он всегда задирился, и вот после этого всегда начинали куролесить [Н.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Поведение задиры должно быть артистичным; ему надо превратить начало драки в спектакль. Многие из тех, кто становился объектом агрессии, могут вспомнить, что поведение нападающих молодых людей содержит элементы игры: они шутят, красуются друг перед другом, бравируют своей силой. После успешного окончания драки она активно обсуждается, изыскиваются веселые моменты, чему немало способствует артистическое поведение задиры в ходе драки. Подобного рода позитивные воспоминания становятся фактором, сплачивающим компанию. Впрочем, статус задиры не всегда был высок — нам встречались случаи, когда эту роль исполняли за долги.

Функциональные роли могли актуализироваться и в коллективных драках, описание которых напоминает описание военных сражений, в которых проявляются сильные (высокостатусные) и слабые бойцы:

У нас был свой боевой строй и своя боевая тактика.

Схема боев примерно такая: во время столкновения основное ядро пробивалось в центр превосходящей толпы противников, опустошая середину и наводя ужас на всю массу. Затем разделялись на две шеренги, одна гнала прочь заднюю часть, а другая, развернувшись, била в тыл первым рядам соперников, не оставляя им шансов на спасение [В., конец 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Продолжая разговор об уличных статусах, отметим, что в советское время неизменно высок был статус **отслуживших в ар-**

мии. Уклонение от службы в армии в уличной среде не одобрялось. После армии, как правило, к активной деятельности в уличных сообществах не возвращались.

Потому что мои сверстники тоже пришли из армии, тоже пошли работать. Я же не буду с молодыми ездить! Как-то уже не то... Тогда это считалось как-то не престижно, что ли. Молодые должны общаться с молодыми, старшие — со старшими. Как-то раньше в Люберцах (наверно, и во многих городах, везде) те, кому двенадцать, тринадцать, четырнадцать, уважали тех, кому, допустим, восемнадцать лет. С уважением относились — вроде вот он старший. А кто из армии приходил — тот всегда был вроде как старший [Ш.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Если местный житель, отслуживший в армии, приходил на какое-либо коллективное мероприятие, например на танцы, то держался несколько особняком от допризывников. Если началась коллективная драка, ударить отслужившего считалось недопустимым:

И как-то один, здоровенный такой, разъярился и давай всех руками, ногами месить. Еле его успокоили. И что важно, он вломил нескольким старшим, кто уже демобелизовался из армии. Потом разбирались [И.Э., первая половина 1980-х гг., Татария].

Для сравнения: в настоящее время служба в армии (по крайней мере в крупных городах) считается пустой тратой времени и не приносит высокого статуса отслужившим.

IV. Способность регулировать собственную агрессивность

Насилие являлось одной из ключевых практик для участников подростково-молодежных группировок, но в этой среде наблюдалось большое внимание к ограничению насилия, ***регуляции агрессивности***. Статус настоящего мужчины не требовал проявления ничем не сдерживаемой «беззаконной маскулинности» (ср.: [Campbell 1993]). Напротив, насилие направлялось, ограничивалось и оправдывалось традиционными представлениями о мужской чести.

Многие из правил поведения здесь восходили к императиву ***защиты домашней сферы*** и в особенности женщин, детей, стариков. Этот императив весьма важен для построения традиционной маскулинности. Уличные бои отнюдь не были направлены на защиту родной земли и тех, кто слаб и немощен, но кодекс чести предполагал уважительное отношение к матери и не допускал нападения на тех, кто не относится к «воинской» касте.

С традиционными представлениями о мужском долге защиты домашней сферы [Щепанская 2001] и понятиями о мужской чести связан, как представляется, ряд запретов на насилие. В различных группах советского времени можно встретить **запреты на проявление агрессивности** в отношении следующих категорий людей.

1. Младшие по возрасту (таковым считается тот, кто младше больше, чем на 2–3 года).

Когда старшие приходили [на место драки] — нас просто оттуда выгоняли. Потому что... не знаю, то ли кодексы какие, то ли еще что, но никогда [никто] пятнадцати-семнадцатилетний маленького не бил. Его свои же за это съедят. Такого никогда не было, даже у нас в десятой школе старшие, когда их дежурными назначали, они разгоняли малышню, но никогда ее не лупили [Н.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

2. Девушки. К числу лиц, нападение на которых запрещалось, относили и девушек. Самостоятельно наши информанты об этом не упоминали, но при дополнительных вопросах подтверждали как «само собой разумеющееся»: «Девчонок никогда не трогали» [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Между тем в одном интервью нам встретилось упоминание о ситуации, в которой парни попустительствовали агрессии против девушек. Евгений А. отметил, что при завязывании драки на дискотеке юноши из их компании били местных юношей, а девушки — девушек:

Если они оказывались — с ними разбирались наши девчонки, люберецкие. И тут до туплей доходило. И наши девчонки могли получить, и эти могли получить. Ребята в эти драки никогда не лезли. Они, наоборот, влазили только чтобы разнять девчонок. Потому что у девчонок крутые разборки были — они могли тупли снять — и туплями, каблуками этими длинными бить друг друга [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

В этой ситуации юноши не трогали девушек из группы, на которую напали; но они и не мешали «своим» девушкам организовывать «параллельную» драку. Эту драку они разнимали только в крайнем случае. Девушки были вправе состязаться с равными им по силе и гендерному статусу, но при этом юноши следили за тем, чтобы состязание проходило «по правилам».

Ударить девушку — это нарушение нормы, поскольку она изначально не является социально и физически равным соперником. Ее только можно поставить на место вербально:

Если девушка будет вести себя хамовато? Об этом и разговоров никаких быть не может! Спросишь только: «Ты что, подруга?!» [Р.А., первая половина 1970-х гг., Волгоград].

3. Парни с девушками.

Не только девушки были вне агрессии, но и парни, гуляющие с девушками. Об этом говорят практически все информанты.

Было правило — не нападать на того, кто идет с девушкой. И это правило всегда соблюдалось [Н.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Я всегда говорю: у нас в Люберцах можно было гулять спокойно — и никто никогда не подойдет и ничего не скажет. Даже, если, скажем, шел металлист с девушкой [Ш.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Впрочем, ограничение на агрессию заканчивалось, как только парень оставался без девушки; типичной является история о драке парня, проводившего девушку и после этого подвергнувшегося нападению со стороны молодых людей, проживающих в том же дворе, что и девушка.

По распространенному уличному правилу, если парень идет с девушкой и она ведет себя неправильно — скажем, оскорбляет встречного — спрос не с девушки, а с парня. Парень должен держать ответ за неправильное поведение своей девушки. В 2006 г. мы наблюдали сцену: подвыпившая девица в компании парня оскорбила проезжавшего мимо мужчину лет сорока. Мужчина вышел из машины, один раз молча ударил девицу, а затем, ударив парня, внушительно сказал ему: «Следи за тем, как ведет себя твоя метла!». Основной воспитательный посыл здесь был направлен на парня, именно ему было предписано отвечать за поведение девушки.

4. Меньшие по количеству.

Часто считалось, что нападать на единичного противника, во-первых, «нехорошо», а во-вторых, «неинтересно»:

Если, например, двадцать восемь человек — они что, будут бить одного? Это даже не вызывало никакого спортивного интереса. Если каждый по разу ударит, тридцать человек — и всё [Ш.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Для того чтобы уравнивать шансы, встреченной жертве иногда предлагали состязание на равных — «драться один на один». Это было даже в случаях коллективного наказания:

Если кого-то надо было наказать, отлавливали его все вместе. Но бил при этом — кто-то один [В.В., первая половина 1980-х гг., Москва].

Существует запрет на «бесцельную» агрессивность:

Простых людей на улице никогда не трогали никого. Никогда не было, что просто взяли и кого-нибудь избили. Если дрались, то с какой-нибудь целью, специально приезжали, имея цель. А так — никого не трогали [Ш.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

В некоторых группах (в частности, в люберецких компаниях первой половины 1980-х гг., где был высок интерес к спорту и культуре тела) существовал запрет на использование оружия. Запрещалось использовать в драке (и вообще иметь при себе) ножи, палки, цепи, предметы для утяжеления кулака и т.д.:

Никогда ничего не брали с собой. Будь мужиком. Вот кулаком — ударь кулаком. То есть у нас никогда не было ни цепей, ни какого-нибудь другого оружия. Если мы били пацифистов там, нацистов, брейкеров, панков — вот они-то всегда пытались цепь достать, или какую-нибудь там печатку, или кастет, или еще что-то. У нас никогда ничего такого не было — ни ножей, ничего другого. Даже когда против тебя трое, когда десять на десять там, двадцать на двадцать. То есть вот чисто [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Демонстрация оружия рассматривалась как вызов, к противнику с оружием относились значительно жестче:

Вот тебя встретили на улице. Если ты просто идешь, с пустыми руками — тебе ничего не будет. Ну, наедут, ударят — и не больше. А вот если ты достанешь нож — тогда берегись! [А.Ф., первая половина 1980-х гг., Тула].

Информант, чье детство прошло в Душанбе, привел уличную поговорку: «С ножом — покалечим, без ножа — побьем» [М.Р., середина 1950-х гг.].

Иногда запрет на оружие мотивировали страхом перед милицией. Задержанный с оружием в руках (или даже в кармане) получал значительно более серьезные обвинения, чем безоружный.

С учетом большого количества запретов на насилие существовала практика придумывать благородный повод для драки:

Когда на кого-то нападаешь — стараешься сделать ему внушение, найти уважительный повод. Например: «Не шумите! Уже поздно, женщины и дети спят, нельзя шуметь!» [Р.Р., первая половина 1970-х гг., Астрахань].

Достаточно распространенным способом для провоцирования драки было использование в качестве задиры малолетнего.

Поддавшись на провокацию, жертва нарушала один из перечисленных выше запретов на насилие, и нападающий получал моральное право осуществить агрессию:

Как правило, подходил какой-нибудь мелкий (ну, это старый, в общем-то, способ). Подходит мелкий: «Дай мне, — говорит, — жвачку». Ты говоришь: «Нет». Типа, «иди отсюда, мальчик, не мешайся». Какой-нибудь первоклассник, второклассник. А мы где-то пятый, шестой были, седьмой. «Уйди, мелочь, уйди! — [смеется] — Пошел вон!» — как в кино. И он тогда: «А-а-а!» — начинает что-то кричать так истошно. И тут такая толпа вываливает. А ты такой: «У-у-у!» — и бегом! [смеется] [В.Н., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.]

V. Следование «гендерному договору»

Уличные сообщества различались по степени сексизма. В большинстве случаев отношение к женщинам, вернее к девушкам — ровесницам участников уличных сообществ, строилось на отношениях равенства. В различных городах и районах могли встречаться и группы с высоким уровнем сексизма, вплоть до групп, декларирующих половую дискриминацию, пониженное положение девушек, ущемление их в правах, мнение о них как о людях «второго сорта» (например, такой порядок был во многих районах Новочеркасска Ростовской обл.). Соответственно характер гендерных взаимоотношений обуславливает систему нормирования поведения в той части, которая касается отношения к девушкам.

Можно выявить определенный «гендерный договор», негласно существующий в отношениях между участниками группировок и девушками. Хорошим скорее всего будет отношение к той девушке, которая соответствует требованиям данного договора. На основании имеющегося у нас на настоящий момент материала мы бы выделили следующие параметры, по которым может оцениваться девушка.

1. Умение соблюдать сексуальную дистанцию. Высокий статус имели «приличные девушки», которые «не дают» или, по крайней мере, «не дают кому попало». Иначе говоря, девушка, соблюдающая «гендерный договор», сдержана в сексуальных связях; если у нее есть парень, то один, отношения с ним — серьезные. Приличная девушка способна постоять за себя, продемонстрировать свою недоступность.

Мальчишки меня обычно не трогали, особенно после одного эпизода во время физкультуры. В восьмом классе меня подкараулили толпой в раздевалке, участвовали все, кроме одного одноклассника, притом многие не состояли в группировке. Видимо, они хотели

похватать и попугать, на их языке это называлось «зажать». Я очень ожесточенно отбивалась, отталкивала их и старалась пнуть по ногам, самому активному из них порвала одежду и вырвала клочок волос. С тех пор меня никогда не трогали, хотя моих одноклассниц любили потискать, потому что скорее всего им это нравилось и они особо не сопротивлялись. Даже когда мы с классом поехали в дом отдыха и я жила в комнате с этими девушками, парни все вечера просиживали у нас в комнате, шутили, дурели, пытались «пощупать» девушек, сидели на их кроватях, на мою кровать не садился никто. При этом я не была изгоем, со мной уважительно общались, пытались заигрывать, но руки не распускали больше никогда [С.Д., конец 1980-х гг., Ижевск].

Момент вступления девушки в сексуальную связь может перевести ее в разряд «давалок», а может и не повлиять на отношение к ней как к «приличной» — этот вопрос решается индивидуально, согласно конкретной ситуации, поведению девушки, ее восприятию окружающими.

2. Родственные отношения с кем-либо из членов компании. Речь идет, как правило, о сестрах (родных или имеющих более отдаленную степень родства). В отношениях с компанией они, как правило, находятся в привилегированном положении, на них как бы распространяется покровительство брата.

3. Отношения любви и дружбы с членом компании. Как и сестра, личная подруга имеет высокий статус. Показательна приведенная в одном из исследований гендерная формула: «Девчонка не человек, но девчонка кого-либо из членов группировки неприкосновенна» (вторая половина 1980-х гг., Москва; цит. по: [Белановский 1988]). Стоит уточнить, что речь идет не о любых подругах, а именно о девушках, имеющих статус «порядочных» и связанных с членами группировки отношениями особой личной симпатии (такие отношения могут закончиться браком). Случайная подруга, с которой член группировки пообщался «просто так», «по приколу», такого статуса может и не иметь (даже наоборот, может подвергаться повышенной сексуальной агрессии).

4. «Приличный» внешний вид. Девушка не должна одеваться вызывающе (устойчивая оценка девушки, одевшейся неподобающим образом, — «как проститутка»). С. Просина обратила внимание, что на просьбу описать «приличную девушку» мужчины и женщины реагируют по-разному. Женщины обращают внимание прежде всего на внешний вид (одежду, прическу, макияж), мужчины — на сексуальное поведение [Просина 2009: 292–293]. Тем не менее можно встретить и оценку девушек участниками уличных компаний с точки зрения их одежды.

5. Внешняя привлекательность. На вопрос, влияет ли на отношение к конкретной девушке ее внешняя привлекательность, один из наших информантов ответил: «Конечно, это главное». Красивая девушка имеет в уличной среде более высокий статус.

Таким образом, даже для групп, придерживающихся крайней степени сексизма, правильнее говорить не о презрении к девушкам вообще, а о своеобразной гендерной шкале оценки: есть высокостатусные девушки, и есть девушки, не пользующиеся уважением. Соответственно и отношение к девушке нормируется ее соответствием «гендерному договору». Высокостатусные девушки пользуются уважением, низкостатусные могут даже виктимизироваться, становясь кем-то вроде сексуальных рабынь.

Впрочем, даже при равноправии полов в уличных компаниях могут существовать определенные правила гендерной сегрегации. Так, часто встречается мнение о том, что девушка не должна пересекать границу мужского пространства. В середине-конце 1980-х гг. в Подмоскovie нам неоднократно встречалось мнение, что девушкам не стоит заходить в качалки (помещения, оборудованные для занятий силовыми видами спорта). Одна из наших информанток сказала о младшем брате:

Если про Сергея сказали, что он в качалке, значит, его искать не надо. И взрослые мужики туда ходили, сколько я себя помню, и, кстати, если нужно было найти мужа или жениха, ждали, когда кто-то оттуда выйдет или будет заходить, просили позвать кого надо. Да, женщины и девушки туда как-то не заходили, стеснялись. Я и сама, если кто-то нужен был из ребят, так же делала [С.П., конец 1980-х гг., Троицк Моск. обл.].

Растяжимость правил

Безусловно, участников уличных группировок рассматриваемого нами периода нельзя идеализировать. При чтении статьи (особенно части, посвященной регуляции агрессии) может возникнуть ощущение, что они действуют исключительно согласно правилам джентльменства. Это ощущение обманчиво. Во-первых, степень разработанности норм поведения в различных сообществах была разной. Во-вторых, наряду с декларируемыми правилами поведения существовали и способы эти правила обойти. Уличный кодекс поведения зачастую предполагал *исключения из правил*.

Например, поскольку бить одиночку группой было не принято, для экзекуции могли отрядить одного или нескольких человек:

Всей толпой мы не били. Могли сказать что-нибудь. Ну, могли отвести там в сторону... Ну, два-три человека отвели в сторону — чего там... Допустим, раз там... два-три раза ударили — упал и всё, развернулись и ушли. А чтобы всей толпой долбить — не били никогда [Ш.А., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Физическое воздействие могло заменяться устным:

Парня, идущего с девчонкой, никогда не трогали. Ну, могли приколоться, пошутить там как-нибудь, могли обступить, сказать: снимай атрибутику, клади в карман — но кулаками никогда никто не тронет. С девчонкой идешь — пожалуйста, иди. Могли хохму сделать, но подойти — никто никогда не подходил. Этого не было. Это, знаешь — как бы святое было [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Наличие девушки могло и не защитить от нападения, если девушка приходила в составе достаточно крупной компании. Победа над сильным противником, согласно уличным правилам, была делом достойным; поэтому стремление к коллективной драке могло перевесить запрет на агрессию против девушки:

На танцах, если ты пришел с девушкой один — в углу или, там, в центре танцуешь — то тебя никто никогда не тронет. Пусть ты хачик, пусть брейкер, пусть. Тебя никто никогда не тронет, если ты один. Но если, извините, ты не один, ты с друзьями, вас толпа и вы отдыхаете, и мы приехали толпой, грубо говоря... [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

По описаниям видно, что все перечисленные запреты хоть и избавляли некоторые категории жертв от агрессии, но не до конца. Агрессия просто уменьшалась, приводилась к умеренной норме. Например, часто она ограничивалась вербальным воздействием: неоднократно отмечалось, что в том или ином случае на жертву не нападали физически, но могли позволить себе пошутить в ее адрес, «приколоться», сделать замечание, словесное внушение. В других случаях физическое воздействие все-таки присутствовало, но в сравнительно небольшой форме. Незлобивый пинок малолетке, «два-три удара» чужаку — это агрессией не считалось.

Мы допускаем, что информация о случаях агрессивности, выходящей за рамки запретов, могла скрываться от товарищей.

И потом, когда возвращались и обсуждали, кто где был, могли сказать: «Ты чего делаешь. Он же с девчонкой сидел на лавочке». И за это уже наши наказать могли. Могли, знаешь, просто подойти и врезать. И поэтому даже где-то что-то такое происходило — об этом молчали. Если кто-то что-то сотворил — он об

этом <...> боялся сказать, потому что это не приветствовалось [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

Нарушивший неписанные правила поведения мог подвергнуться наказанию в следующих формах.

1. Устное порицание:

Если во время драки даже ключ возьмешь в руку (вот ключ от квартиры) — и то твоя компания скажет, что ты, мол, зажал в руке ключ — это было очень... нехорошо... Наказывать не наказывали, но ты знаешь, просто могли руки потом не дать [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

2. Отказ в защите:

И если потом ты говорил, что кто-то где-то тебя обидел, то, знаешь, на тебя смотрели так... помнили, что ты в прошлый раз пошел с чем-то [А.Е., первая половина 1980-х гг.].

3. Физическое воздействие. Так, во время дружеской драки один из участников, несмотря на запрет, использовал кастет. Неформальный лидер компании довольно жестоко избил его, «пять раз ударив об остановку». Примечательно, что провинившийся принял наказание стойко, поскольку «знал, что бьют за дело» [А.Е., первая половина 1980-х гг., Люберцы Моск. обл.].

4. Бойкот — с провинившимся не общались. Возможна и жесткая форма бойкота — как в случае, когда бойкоту подвергался не только провинившийся, но и те, кто с ним общался.

Сидели в подвале, и пришла милиция. А он испугался и сказал: «Я не с ними» — и ушел. За это ему вся компания объявила бойкот, причем запрещено было с ним общаться. Я на другой день с ним разговаривал, но потом ко мне подошли и сказали: «Так не делай, а то и тебе тоже». И это было навсегда — прошло уже много лет, но насколько я знаю, никто с ним не общается и сейчас [М.П., конец 1980-х гг., Кировское Донецкой обл.].

Стоит добавить, что для советского времени была не типична такая получившая впоследствии распространение форма наказания, как «постановка на деньги».

Происхождение правовых норм в уличной среде

Заострим внимание на том важном, на наш взгляд, моменте, что уличные группировки возникли на огромном пространстве Советского Союза как бы «сами по себе»: о них не писали в СМИ, их создание не санкционировалось централизованно, контакты между участниками сообществ из разных городов

были минимальными. Тем не менее на сходство этих сообществ нельзя не обратить внимания, тем более что это касается и правовых обычаев, обеспечивающих нормирование поведения.

Причину возникновения *однотипного* социального слоя следует искать в неких социально-экономических и идеологических реалиях Советского Союза. Несомненно, эта однотипность появилась под влиянием не одного, а целого ряда факторов. Мы предполагаем (пока на уровне гипотезы) наличие следующих причин.

1. Влияние сельских и городских традиций досугового времяпрепровождения молодежи. Речь идет прежде всего о деревенских драках — столкновениях групп молодежи, часто ритуализованных. Многие из наших информантов были детьми или внуками переселенцев из деревень, в детстве сохраняли связь с деревенским бытом (ездили отдыхать к родственникам), некоторые отмечали знакомство с практиками сельских драк.

2. Влияние фронтовых традиций (для молодежи 1950-х гг.).

3. Влияние уголовных традиций, особенно для криминализованной части рассматриваемого нами социального слоя. Довольно многие информанты отмечают включенность в уличную жизнь бывших заключенных, присутствие криминальных авторитетов в числе лидеров группировок.

4. Влияние моральных традиций советского спорта. Фактор важен для той части молодежи, которая ориентирована на физическую культуру как ценность.

Во всех перечисленных случаях можно выделить нормативы поведения, сопоставимые с нормативами поведения в уличной пацанской среде, однако ни в одном из них нет всего *комплекса* этих нормативов.

Кроме того, на формирование сходных уличных сообществ и сходных правовых обычаев оказывали влияние социально-психологические факторы, обусловленные потребностями возрастного развития молодых мужчин: склонность к экстремальной деятельности, формированию одновозрастных и однополых сообществ, потребность в конструировании маскулинного образа, поисковом сексуальном поведении и т.д. Данные факторы, наложенные на общую для страны культурно-историческую ситуацию, дали достаточно однородную систему правовых обычаев. К слову сказать, отдельного рассмотрения заслуживают процессы 1990-х гг., когда неформальная система правовых обычаев в пацанской среде стала одной из составляющих для формирования новых «бандитских поня-

тий», ставших важным фактором возникновения «силового предпринимательства» [Волков 2005].

Надо отметить, что, образуя особую субкультуру, участники группировок в советское время (как, впрочем, и ныне) не образовывали социального слоя, экономически и идеологически оторванного от окружающего мира («андеркласса»). За исключением криминализованного меньшинства, они не были оппозиционны по отношению к культурному мейнстриму, и их деятельность может служить иллюстрацией тезиса американского криминолога Д. Матца о «дрейфе», временном и часто случайном девиантном поведении, не обязательно ведущем к криминальным карьерам [Matza 1964]. Соответственно система нормирования поведения в данной среде, имея криминальную составляющую, в целом укладывалась в рамки повседневного регулирования отношений в обществе.

Наличие у подростково-молодежных сообществ советских городов достаточно разработанной системы нормирования поведения позволяет скорректировать положение о них как об аморфной и неуправляемой социальной среде. Перед нами интересный случай самодеятельного формирования правовых отношений на основе, с одной стороны, реализации агрессивных потребностей (во многом обусловленных возрастом), а с другой — попыток ограничить эту агрессию и канализировать ее в социально приемлемые формы. Поэт Борис Рыжий, чье детство и юность прошли в 1970–1980-х гг. в уличной среде Свердловска, написал с иронией, но и с уважением, как равный по рождению: «Какие люди, Боже праведный, // сидят на корточках в подъезде! // Нет ничего на свете правильной // их пониманья дружбы, чести» [Рыжий 1997: 95].

Библиография

- Анкудо Е.* Как дрались в Орше // БелГазета. 2007. 3 сент.
- Белановский С.А.* «Ждань» и «коммунары» (конец 1980-х годов) // Молодежные уличные группировки: основные положения. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1988. С. 124–131.
- Белановский С.А.* Субкультура люберов. [Отчет по научному исследованию] <<http://sbelan.ru/node/47796>>. 2009.
- Валеев Д.Ж.* Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 65–78.
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005.
- Громов Д.В.* Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38.

- Громов Д.В.* Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: основные положения. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 8–72.
- Лузин В.В.* Место и роль конституционных соглашений в системе источников права Англии // Правоведение. 1999. № 2. С. 103–106.
- Малова О.В.* Правовой обычай и его виды // Сибирский юридический вестник. 2001. № 1.
- Просина С.В.* Как одевались «приличные» девушки в СССР (50–70-е годы XX века) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 282–295.
- Разумович Н.И.* Источники и форма права // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 20–26.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2007.
- Рыжий Б.* Стихи // Звезда. 1997. № 9. С. 95–96.
- Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115–177.
- Butler J.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. N.Y.; L.: Routledge, 1990.
- Campbell B.* Goliath: Britain's Dangerous Places. L.: Methuen, 1993.
- Connell R.* Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Stanford: Stanford univ. press, 1987.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. L.: Polity, 1990.
- Goffman E.* Gender Advertisements. L.: The Macmillan Press, 1979.
- Goffman E.* Where the Action is // Interaction Ritual. Harmondsworth: Penguin Books, 1967. P. 149–270.
- Jankowski M.S.* Islands in the Street: Gangs and American Urban Society. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Matza D.* Delinquency and Drift. N.Y.: Wiley, 1964.
- Suttles G.D.* The Social Order of the Slum. Ethnicity and Territory in the Inner City. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1968.
- Thrasher F.M.* The Gang. A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927.